
Т.А. Снигирева

**«НАВСЕГДА, ВАСИЛИЙ ТЕРКИН, ПОДРУЖИЛИСЬ МЫ С ТОБОЙ»
(ПОЭМА «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА А. ТВАРДОВСКОГО ВОЕННЫХ ЛЕТ)***

Александр Твардовский неоднократно повторял, что если бы не война, он так бы и остался «по-

Татьяна Александровна Снигирева – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

** Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО – СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе интертекстуальных и контекстуальных связей (национальный и региональный аспекты)».*

этом смоленской школы», то есть, возможно, никогда бы не вышел за пределы своего региона и своей, как говорили в те годы, «колхозной тематики». Предположение поэта только на первый взгляд необычно. Именно Отечественная война изменила вектор творческого пути Твардовского. Этому движению способствовал сам тип, качество таланта поэта, который органично соединял два ведущих направления русской культуры: народно-почвенную и интеллигентно-интеллектуальную линию духов-

ной элиты нации. В результате основными, устойчивыми нравственно-этическими понятиями, крепящими его художественный мир, стали категории, традиционные для фольклора и русской классической литературы: мать-земля, отчий край, дом, дорога, даль. Осмыслены они не только в соответствии с характерологическими особенностями таланта Твардовского, его индивидуальностью, особенностями личности, но и с тем диктатом времени, порой необычайно жестоким, в рамках которого осуществлялось волеизъявление поэта.

Общенациональная трагедия Отечественной войны 1941 – 1945 годов сняла «запрет на мысли» (выражение Твардовского), произошло внутреннее освобождение и раскрепощение поэта. Отсюда – абсолютная мировоззренческая и творческая свобода для многих главного произведения Твардовского, его «книги про бойца» – «Василия Теркина», которая уже в годы войны стала книгой, читаемой всей воюющей Россией. Книгой, вызвавшей феноменальное для культуры XX века явление – создание фольклора по мотивам литературного произведения, инициировавшей не только чтение и слушание стихов среди «тех, кто стихов никогда не читает» (замечание А.Твардовского), но и импульс к сотворчеству: зафиксированы сотни «солдатских» продолжений «Теркина». Одновременно поэма вызвала восхищение у такого тонкого и взыскательного ценителя литературы, как И. Бунин. Свобода, правда, мастерство – главные, по Бунину, достоинства поэмы, сделавшей ее сразу классикой русской поэзии.

Что стало причиной общенационального признания поэмы?

Прежде всего, тот взгляд на войну, который был найден почти сразу и определил композицию, сюжет, помог обрести героя и «найти слой» (тоже выражение Твардовского), то есть общую интонацию и атмосферу поэтического осмысления и постижения войны. Поэма написана как бы «снизу», от солдата и глазами солдата. Ее сюжет – сюжет самой войны: от первых ее тяжелейших месяцев, когда мы «чохом сдавали города», до последних ее победных дней:

Эти строки и страницы –
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход¹.

Но, и это принципиальная установка автора, в поэме нет глав, посвященных глобальным битвам Отечественной войны: ни обороне Москвы, ни Курской дуге, ни Сталинградской битве, ни даже взятию Берлина. Но есть глава, посвященная изнурительному, тяжелейшему и бесплодному «бою в болоте за безвестный пункт Борки»:

Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь – по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно – в счет, не в счет –
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков,
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них. (253)

Не менее принципиальной для Твардовского была замена коллективного Теркина времени Финской кампании, который мог бы «русской ложкой деревянной восемь фрицев уложить», на Теркина «большой войны». Он не только рядовой, «парень наиобыкновенный», но и, что вновь важно, «приписан» не к элитным для той войны военным подразделениям (танкист, летчик, артиллерист), а к «матушке-пехоте», на чьих плечах была буквально вытащена та страшная война. У Теркина до поры до времени нет никаких знаков отличия, никаких наград («...Я не гордый, я согласен на медаль»). Выбор героя – рядовой войны – задает оптику ее видения. Твардовский сосредоточивает свое внимание на изображении первоэлементов войны, ее повседневье, быте: шапка, шинель, кисет солдата – этим предметам походной солдатской жизни тоже посвящены отдельные главы. Не без лукавства поэт оправдывается: про что пою? – «Про портянки да землянки, / Про махорку да мороз». Поэма порой откровенно натуралистична. Твардовский не устает писать о «простой, здоровой, / Доброй пище фронтовой», «Лишь была б она с наваром, / Да была бы с пылу, с жару – / Подобрей, погорячей». В героической главе «Поединок», где в духе фольклорной ситуации «бьется Теркин, держит фронт», поэт не преминет заметить: «До чего же он противный – / Дух у немца изо рта. / Злобно Теркин сплюнул кровью. / Ну и запах! Валит с ног. / Ах ты, сволочь, для здоровья, / Не иначе, жрешь чеснок!» (217). Просторечья, вульгаризмы, солдатские поговорки, прибаутки разбросаны по всей поэме: «Третьи сутки кукиш кажет / В животе кишка кишке».

Война – «кромешный мир» (Д.С.Лихачев), и сознательное художественное соединение героики со «сниженным», «заземленным» повествованием, высокой патетики с разнообразными приемами смеховой культуры, постоянное обращение к первичным основаниям физической, душевной и духовной жизни солдата на войне: воде, еде, одежде, простым человеческим чувствам дружбы, любви, страха смерти и преодоления его – все направлено не только на высокий уровень правды в изображении войны, но и на доказательство основной мысли поэмы: жизнь сильнее смерти, ей больше надо от людей; на

¹ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 1977. Т. 2. С. 328. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться непосредственно в тексте с указанием страницы в скобках.

утверждение того знания, которым жил воюющий народ: «Бой идет не ради славы, / Ради жизни на земле».

Точка зрения на войну «снизу», «от солдата» дополняется в поэме авторским видением и военных событий, и своего героя. В чувстве «скрытой теплоты патриотизма» (Л.Н. Толстой) автор и герой едины, но сферы его применения различны. Пространство героя – это преимущественно поле поступков, действий, событийности. Пространство автора – пространство наблюдений, размышлений, раздумий, воспоминаний. Лирически насыщенные главы «От автора», «О себе» соседствуют с главами фабульно-событийного характера «Генерал», «Поединок», «Дед и баба», что структурно подчеркивает несомненное для Твардовского скрепление, взаимодополнение («...То, что молвить бы герою, говорю подчас я сам») народного и интеллигентского сознаний, что дает эффект полноты национального видения «большой войны». Именно отечественные войны создавали ситуацию, не столь частую в российской жизни, столкновения, вернее встречи и узнавания двух типов сознания – направленного на действие и на рефлексию. Отечественная война, как русская песня и как общая молитва в храме, давала чувство родства при сохранении чувства индивидуального бытия. И, видимо, не столь уж неоправданными были упреки ортодоксальной критики по отношению к герою Твардовского, в котором видели больше «русского», нежели «советского». Действительно, в духовной жизни Василия Теркина, как и его автора, нет места такому коллективному, когда навязанная извне воля подавляет личность. В нем сильно чувство своей единичности с не менее сильной потребностью быть частью целого, частью общей судьбы народа и отечества: «Потерять башку – обидно, / Только что ж, на то война... / Но Россию, мать-старуху, / Нам терять нельзя никак / Наши деды, наши дети, / наши внуки не велят» (154).

В ныне почти забытой книге стихов Твардовского «Фронтная хроника», писавшейся параллельно с «Василием Теркина», принцип взаимодополнения двух типов национального сознания являет себя в жанровом плане. Рядом с военным очерком, портретом, балладой, призванными дать описание подвига героя, и посредством описания выполнить одну из важнейших и естественных функций литературы военных лет – агитационную, соседствуют стихотворения, в которых доминантной становится лирическая ретроспекция, размышление, описание пейзажного характера.

Пейзажная лирика той поры несет на себе отблеск войны, которая, с одной стороны, принесла Твардовскому, крестьянскому сыну, трагическое ощущение обособления человека от возрождающейся, «забывающей» все природы. С другой – жестокость войны не шадит и привычную гармонию природного мира. Пейзаж Твардовского военных лет преимущественно осенний, зимний, обнажающий безусловную одиночку человеческого, теплого, живого перед холодом смерти:

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст,
И, оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст. (116)

Если же поэт пишет о весеннем обновлении природы, то чаще всего в резком контрасте с абсолютностью человеческой смерти: «И цветут – и это страшно – на пожарищах сады». Та же мысль о трагической бесповоротности человеческой гибели и всегда возможного возрождения природы звучит в одном из последних стихотворений, завершающих лирику военных лет:

Прошли года. Деревья умерщвленные
С неожиданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали зеленые...
Прошла война. А ты все плачешь, мать. (156)

Контрастное противопоставление стало одним из ведущих композиционных приемов военной лирики. Поэт не устал подчеркивать бессмысленную жестокость войны в сопоставлении с торжественной гармонией природы, на которую, повторим, война тоже наложила свой страшный отпечаток:

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сена
На молодом морозце колком, –
А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижимом,
Остекленевшем – вот зима... (27)

Божественная гармония и красота мира, одухотворенная крестьянским трудом, – зачин и лейтмотивный образ поэмы, писавшейся параллельно с «Теркиным» – «Дом у дороги» (1942 – 1946). Эту поэму, которую Твардовский называл (имея в виду отношение к ней критики) «падчерницей» и «недоопубликованной», необходимо читать не «вслед» «Теркину», но «рядом», тогда открывается особый и всеохватный взгляд Твардовского на войну. «Теркин» – жизнь солдата на войне, «Дом у дороги» – судьба семьи солдата на войне, войне, которая покусилась на самое святое: пришла в дом, чтобы его разрушить. В прологовой главе поэмы Твардовский с мельчайшими подробностями описывает то воскресное утро, когда хозяин дома косил «траву с росой белой»:

Трава была травы добрей –
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой. (337)

Этот редкий день полного счастья, «когда нам вдруг с чего-то – / Еда вкусней, / Жена милей / И веселей работа» могла оборвать только неотвратимая беда, и оборвала:

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завывала.

И, опершись на косые,
Босой, простоволосый,
Ты постоял – и понял все,
И не дошел прокоса. (239)

Связь сюжета поэмы «Дом у дороги» – пленение семьи солдата, гибель дома, возвращение воина к тому родному месту, где сейчас «Ни окошка нет, ни хаты, / Ни хозяйки, хоть женатый, / Ни сына, а был, ребята, – / Рисовал дома с трубой...», с сюжетом одной из самых трагических глав «Василия Теркина» – «Про солдата-сироту» – очевидна и неоднократно описана. Хотелось бы подчеркнуть следующее. В поэме-песне-плаче «Дом у дороги» Твардовский оставляет надежду на возрождение:

И голос тот как будто вдалеке
Взывал с тоской и страстью.
И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой. (384)

В поэме, которую порой вписывали в традицию фольклорного лубка (сам Твардовский признавался: «Как только читаю: Теркин бывалый, неунывающий солдат-балагур, – так и бросаю читать»), такой надежды нет:

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, – сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем. (310 – 311)

Балагурство, умение шуткой снять напряженную ситуацию – существенная, но только одна ипостась Теркина, как и фольклорно-мажорная атмосфера – только одна сторона художественного мира поэмы. Пожалуй, К. Симонов первый заметил, что со страниц произведения, которое создавалась по ходу войны, впервые встала страшная цифра многомиллионных потерь, поставлен вопрос о цене победы.

Твардовскому было чуть больше тридцати, когда он начал писать своего «Теркина», герою – нет и двадцати лет. Он – воин, но он, по сути, еще мальчишка, как и его фронтовые друзья, отсюда – те «неуставные» слова, с которыми автор обращается к тем, кто воевал, определяя их возраст: «стриженные ребята», «молодой народ». В его лирике военных лет, как и поэме «Дом у дороги», прямо явлена тема, которую сам Твардовский называл «ужасной», сближающей самые «противоположные вещи на свете»: «дети и война». Мотив «детскости» определяет трагический пафос стихотворения, которое из-за особо болевой интонации, поэт не решился опубликовать во время войны. «Две строчки» (1943) по праву можно признать одним из шедевров русской лирики, в котором многое определилось и стало безусловным для самого поэта как в мировоззренческом, так и в художественном смысле:

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал.

Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу, –
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывший, маленький лежу. (121)

Формально стихотворение нарушает общепринятые правила русского стихосложения, которых так любил придерживаться Твардовский. В нем нечетное (19) количество строк, странная строфика, и еще более странная, как бы неумелая рифмовка. Внешне она весьма бедная: рифмуются главным образом падежные окончания, в центре стихотворения – четыре глагольных монорима: «прижал – лежал – бежал – придержал». Наконец, в финальном восьмистишии глагольная рифма завершается тавтологической: «не приложу – лежу – лежу». Столь же «бедной» представляется и лексика: обилие простых прилагательных, конкретных существительных и только два абстрактно-отвлеченных: «война» и «судьба». Определения также весьма традиционны, чуть ли не банальны: если судьба, то далекая, если война, то большая, жестокая.

Вызывающая неизысканность поэтических средств, подкрепленная некоторой «неправильностью» стиха, отсылающей к детско-наивной простоте высказывания (так рифмовать могут и дети), призваны выполнить – и выполняют – невероятно сложную задачу: читатель вместе с автором должен

пережить особую гамму чувств – ощутить чужую смерть как свою собственную. За внешней простотой скрывается та глубина, которую Твардовский достигал в лучшие свои минуты.

Нагнетение в тексте глаголов, традиционно передающих стремительность движения, в данном случае есть знак самого момента его прекращения, остановки, что является горьким признанием необратимости смерти. Это только «казалось», что «мальчик не лежал, / А все еще бегом бежал, / Да лед за полу придержал...». Лексика жестко выстроена по двум оппозиционным рядам – Жизнь и Смерть: «боец-парнишка» – «тело», «мальчик», «маленький», «по-детски маленькое» – «лед», «мороз», «мертвый», «одинокий», «примерзший», «убитый».

В стихотворении есть и еще одна оппозиция: война большая и война незначительная. Своеобразное «кружение» глаголов и прилагательных в финальной части, подчеркнутое интенсивной повторяемостью звуков и форм: приложу – жалко – лежу – лежу; далекой – одинокой; примерзший – маленький – убитый – незначительной – забытый – маленький – свиде-

тельство того, как мучительно поэт идет к осознанию того, почему ему «жалко той судьбы далекой». Годы войны принесли поэту абсолютное знание цены, вернее, бесценности единичной жизни, неповторимости индивидуальной судьбы, дали ему силу «принять удар на себя»: «как будто это я лежу».

Во «Фронтальной хронике», «Доме у дороге» и «Книге про бойца» устанавливается важнейшая для поэтического мира Твардовского, его творческого сознания и поведения система нравственных координат: святость семейного очага, кровных родственных чувств и не менее кровных чувств единения со своей землей и народом, ответственности за судьбу своей страны и сопричастности ее жизни: «Я жил, я был, за все на свете я отвечаю головой». Беря всю боль войны на себя, Твардовский сумел сказать трагическую «жестокую правду» об Отечественной войне, память о которой не отпускала поэта до конца его жизни. Та общенациональная историческая память, которая закреплена его творчеством и всей отечественной литературой о войне, и которую ныне пытаются исказить или стереть по хорошо известному оруэлловскому варианту.